А. Н. МЕЩЕРЯКОВ

Мещеряков Александр Николаевич
доктор ист. наук, профессор,
заместитель заведующего Лабораторией
востоковедения и сравнительно-исторического
языкознания, ШАГИ РАНХиГС
Россия, Москва, 119571, пр-т Вернадского, 82
Тел.: +7 (499) 956-96-47
E-mail: meshtorop@yahoo.com

ЗАРОЖДЕНИЕ КОНЦЕПЦИИ «ДУША СЛОВА» (*КОТОДАМА*) В ДРЕВНЕЙ ЯПОНИИ

Аннотация. Концепция «душа слова» (*котодама*) активно разрабатывалась в Японии периода Токугава, однако ее истоки восходят к древней Японии. На основе анализа текста официальных хроник «Нихон коки» и «Сёку нихон коки» автор прослеживает процесс японизации жизни японского двора, составной частью которого явилось празднование сорокалетия императора Ниммё (849 г.), во время которого монахи храма Кофукудзи поднесли ему «длинную песню», составленную на японском языке, в котором, по их мнению, и обитает «душа слова», отсутствующая в других языках.

Ключевые слова: древняя Япония, уникальность японского языка, «душа слова» (*котодама*), император Ниммё, «Нихон коки», «Сёку нихон коки».

Культура и государственность древней Японии многим обязаны Китаю — тогдашнему культурному донору для всего дальневосточного ареала. Об этом свидетельствуют многие факты: усвоение в Японии иероглифической письменности и вмонтированных в нее смыслов, трансплантация многих китайских государственных институтов, заимствование технологий, обыкновений и т. д. Эти процессы происходили особенно активно начиная с середины VII в. Таким образом, культурная зависимость Японии от Китая была чрезвычайно велика. Временами похожесть Японии на Китай (прежде всего это касалось императорского двора) воспринималась как доказательство «культурности» Японии. Вместе с

© А. Н. МЕЩЕРЯКОВ

тем потребность в самоидентификации вызывала к жизни и поиски таких параметров, по которым Япония отличается от Китая. Совершенно естественно, что одним из главных таких параметров стал японский язык, который по своему строю радикально отличается от китайского. В данной статье мы рассматриваем первые попытки придания японскому языку статуса уникального.

Понятие «душа слова» (*котодама*) широко употреблялось мыслителями эпохи Токугава (1603–1867), причем его популярность возрастала с течением времени. Только в первой половине XIX в. около 50 произведений содержат этот термин в названии. Если же добавить к ним сочинения, в которых «душа слова» обсуждается в той или иной форме, то станет понятно, что это понятие привлекало к себе действительно большое внимание японских мыслителей этого времени [Тоёда 1980: 182]. В особенности это касается ученых-нативистов — представителей так называемой школы национального учения (*кокугаку*), которые ставили перед собой задачу возрождения «исконно японской» культуры, «не испорченной» иноземными влияниями. Поскольку в качестве отправной точки рассуждений этих ученых выступал «уникальный» японский язык, то неудивительно, что для обоснования своих конструкций они придавали огромное значение понятию «душа слова», которая обитает только в «теле» японского языка. В своих рассуждениях они опирались на древние тексты, в которых говорится о *котодама*. Но таковых обнаруживается на самом деле немного. Тем не менее эти упоминания послужили основой для развертывания пространных теорий.

Мыслители «национальной школы» сочиняли свои трактаты в прозе, однако все ранние упоминания о *котодама* встречаются только в поэтическом дискурсе. Впервые этот термин фиксируется в японоязычной поэтической антологии «Манъёсю» (вторая половина VIII в.), которая является отражением бодрого и оптимистического настроя элиты, обусловленного прежде всего успешным ходом государственного строительства (подробнее см.: [Мещеряков 2014: 19–41]).

Какиномото Хитомаро, считавшийся непревзойденным выразителем японского духа, оставил нам два упоминания о *котодама*:

> На перекрестье тысячи дорог, где есть душа слов, вечером спросил-загадал. Встречусь ли с той девушкой, которая была названа? («Манъёсю», № 2506)

В данном стихотворении утверждается, что *котодама* обретается на перекрестье дорог, где часто проводили гадания и ритуалы. В таком месте следует произносить слова не профанные, а сакральные, которые имеют особую силу и действенность. По всей вероятности, в древней Японии имелось определенное количество вполне конкретных мест такого рода, которые в значительной степени определяли ее сакральную географию.

Однако вместе с формированием централизованного государства понятие «душа слова» стало прилагаться прежде всего к сердцу японской государственности — провинции Ямато (именно там — в Фудзивара и Нара — были расположены первые постоянные резиденции государей). «Ямато» нередко выступает и как обозначение Японии в целом — даже после переезда императорского двора в Хэйан (провинция Ямасиро) в 794 г., хотя после этого в официальных формульных документах при перечислении провинций страны Ямасиро стала упоминаться первой («Сёку нихон коки», Дзёва, 3-10-23, 836 г.[1]).

Согласно другой песне Какиномото Хитомаро, именно в Ямато обитает душа слова. В предшествующей ей песне № 3253 земле Ямато придаются привычные формульные характеристики («Божественная страна обильных тростниковых равнин и удивительных колосьев риса» — Тоёасихара мидзухо-но куни камунагара) и содержится пожелание благополучия неизвестному адресату, который пребывает в этой земле. В ответной песне Хитомаро говорится:

> Страна Сикисима-Ямато счастлива тем, что в ней есть душа слова.
> Пребывай же в счастье! («Манъёсю», № 3254)

Сикисима — это древний топоним, относящийся к территории, которая впоследствии стала именоваться Ямато. Как видно из приведенного стихотворения, само пребывание в этой земле является определенной гарантией счастливой жизни.

Ямаоуэ-но Окура, другой знаменитый поэт «Манъёсю», в песне № 894 соотносит Ямато с «душой слова» почти в тех же словах, что и Хитомаро. Это, вероятно, означает, что такое определение было общим местом. Вместе с тем в песне Окура упоминаются еще два распространенных признака земли Ямато: небо, с которого боги узрели страну Ямато (отсылка к мифу о божестве Ниниги-но Микото, который увидел с неба прекрасную землю Ямато и спустился туда), и пребывание в Ямато государя:

> Со времен богов передавалось, что страна Ямато — это страна, увиденная с неба, в которой есть грозное божество-государь и которая счастлива тем, что в ней есть душа слова, — так говорят, так передают.

Таким образом, «душа слова» описывается как одна из славных и исключительно положительных характеристик земли Ямато, связанной с синтоистскими божествами и императором (потомком богов).

Следующее упоминание *котодама* фиксируется в письменных источниках только через столетие. Вероятно, это связано с тем, что на достаточ-

[1] При ссылках на официальные хроники (все они были написаны по-китайски) мы приводим название хроники в кавычках, девиз правления, указанные в хронике год, месяц, день и перевод даты на европейский календарь.

но длительное время китайские стихи вытеснили японские из официальной (придворной) письменной культуры. Вместе с тем понятно, что, хотя понятие *котодама* и было подзабыто, оно все равно оставалось в «рабочем состоянии». В официальной хронике «Сёку нихон коки» понятие «душа слова» появляется в записях за 849 г., когда отмечалось сорокалетие императора Ниммё (810–850, на троне 833–850). Данное сообщение описывает *котодама* наиболее полно и существенно расширяет наши представления о том, как мыслилось понятие «душа слова».

Праздничные мероприятия по случаю юбилея государя продолжались весь 849 год (праздновался не столько день рождения, сколько «год рождения»). В этой череде официальных мероприятий первым оказалось поздравление императору монахами храма Кофукудзи («Сёку нихон коки», Касё, 2-3-26, 849 г.). Хроника сообщает также о поздравлениях и подарках, поднесенных позднее другими подданными: управителем провинции Микава, монахами храма Якусидзи, супругой бывшего государя Сага по имени Татибана Катико, наследным принцем Митиясу, сыновьями императора и представителями рода Минамото.

Поздравление монахов Кофукудзи оказалось наиболее семантически нагруженным. Монахи преподнесли императору изображения, на которых были представлены символы долголетия, радости и весны: легендарный долгожитель Урасима Таро, небесные девы, обвитая глицинией (*фудзи*) сосна (символ нерушимой связи императорского рода и влиятельнейшего рода Фудзивара), журавли, птица, камышёвка (считалась вестницей весны). Монахи представили и благопожелательную песню собственного сочинения на японском языке. В ней, в частности, говорилось: территория Японии приняла свой окончательный вид, когда синтоистское божество Сукунабикона засадило землю тростником и осокой (символы плодородия земли); благодаря этому каждый год в эту страну приходит радостная и солнечная весна; японские государи наследуют солнцу и сменяют друг друга, становясь явленными божествами и превосходя по этому параметру (видимо, имеется в виду божественность) как варварские страны, так и «страну соседнюю» (т. е. равную Японии), под которой понимался Китай.

Далее объясняется, почему для поздравления был избран именно японский язык:

> Слова, обращенные к богам и буддам для вечного продления лет [государя], являются приближением-возвратом к исконным словам этой страны. Эти слова не были заимствованы из Китая, мы не нанимали знатоков, пишущих [китайские] письмена, это слова, передававшиеся в нашей стране, в богатой душою слова Присолнечной стране Ямато, в речах богов, которые присутствуют в старых речениях. При поисках истоков обнаруживается, что эти слова использовались при обмене песнями, в божественных действах и в делах государевых. Сообразуясь с прошлыми временами, этими словами мы на сей раз почтительно обратились к буддам и богам, вознеся эти слова в молитве.

Таким образом, признаки устной речи, содержащей в себе *котодама*, суть следующие: 1) это слова, с помощью которых разговаривали синтоистские боги; 2) эти слова перешли к людям, которые обитают на территории Ямато; 3) эти слова употребляются в поэтической речи, во время отправления синтоистских ритуалов и в делах (речах) государя, обладающего статусом «явленного бога»; 4) адресатом этих слов являются люди (в случае со стихами и указами императоров) или же, как в данном поздравлении, боги и будды, которым внятны молитвы, вознесенные с помощью тех слов, которые имеют «душу слова»; 5) эти слова имеют особую силу воздействия на адресата, силу, которая может продлить жизнь государя.

Из известных нам классов текстов вышеприведенным признакам соответствуют стихи (*вака*, *ута*), синтоистские молитвословия *норито*, указы (*сэммё*) императора, написанные и оглашенные на японском языке[2]. И *норито*, и *сэммё* представляют собой поэтические тексты. Если рассмотреть эти тексты в свете теории коммуникации, то *норито* возглашаются жрецами и имеют адресатом богов; *сэммё* — это речь государя, обращенная к подданным; *ута* (*вака*) — стихи, сочиняемые в придворном кругу, которые могут быть обращены как к людям, так и к богам. Иными словами, стихотворная речь является наиболее универсальным способом ритуально-церемониальной коммуникации, чем в значительной степени объясняется то выдающееся место, которое принадлежит стихосложению в японской культуре.

Процитировав поздравление монахов, составители хроники следующим образом комментируют его уже на китайском языке:

> Суть песен Ямато состоит в том, чтобы приводить в движение сердца людей. Ныне настали дурные времена, Путь [поэзии Ямато] тоже пришел в упадок, но среди монахов сохраняется много старых слов. Если утрачивается церемониальность [при дворе], следует искать ее в полях. Поэтому [монахи] собрали [старые слова] и записали их.

Вопрос о том, почему поздравление на японском языке было произнесено именно буддийскими монахами, остается не совсем ясным. Было бы «логичнее», если бы такое поздравление возгласили синтоистские жрецы: буддийские канонические сочинения бытовали в Японии на китайском языке, жрецы же возглашали молитвы на японском. Однако хроника не фиксирует поздравлений императору Ниммё, принесенных синтоистскими институтами, что, вероятно, свидетельствует об их меньшей вписанности в систему государственных отношений (речь идет именно об институтах, а не о синтоистских божествах). Кроме того, буддийское духовенство было более образованным и ориентированным на текстопорождающую активность во всех областях, социализация же жрецов предполагала прежде всего воспроизведение ритуалов (не случайно теоретическое осмысление

[2] О *норито* и *сэммё* см.: [Ермакова 1991].

котодама даже в эпоху Токугава восходит вовсе не к синтоистским священнослужителям, а к буддийскому монаху Кэйтю, 1640–1701). Что касается конкретно храма Кофукудзи, то это был родовой храм Фудзивара. Его связь с родом Фудзивара означала, что первое поздравление государю было фактически инициировано этим родом, который к этому времени уже занял главенствующее положение при дворе (недаром в хронике сообщается, что монахи из храма Кофукудзи, расположенного в Нара, остановились в Хэйане в доме правого министра Фудзивара-но Ёсифуса).

Несмотря на благопожелания и многократные молитвы о выздоровлении, Ниммё скончался в 21-й день третьей луны следующего года. Его похоронили через четыре дня. В соответствии с завещанием похороны прошли скромно. Хроника «Сёку нихон коки» приводит оценку правления императора и перечисляет его достоинства. К ним относятся глубокое знание китайских конфуцианских и исторических текстов, которые Ниммё умел правильно читать с «ханьским» произношением (т. е. с произношением, принятым в районе тогдашней китайской столицы Чанъани), знакомство с сочинениями Лаоцзы, Чжуанцзы и сотнями других. Отмечается, что Ниммё был также выдающимся каллиграфом, учась стилю у прославленного в этом отношении императора Дзюнна (786–840, на троне 823–833), — люди не могли отличить кисть одного от кисти другого. Кроме того, Ниммё был отменным лучником и музыкантом. По последнему параметру он превосходил древнекитайских императоров Шуня и Чэн-ди (комментаторы предполагают, что речь в данном случае идет не о Чэн-ди, а о Юань-ди). Император Ниммё был начитан в медицинских книгах, и в искусстве врачевания ему не было равных среди современников. Далее приводится довольно подробный рассказ самого Ниммё о своих хворях и о том, как следует лечиться. Сообщение хроники заканчивается утверждением, что Ниммё прожил достаточно долгую жизнь благодаря тому, что творил добро, правил гуманно, ел здоровую пищу и лечился правильно (Касё, 3-3-25, 850 г.).

Разумеется, утверждение относительно длинной жизни выглядит откровенным лукавством — все непосредственные предшественники Ниммё прожили дольше него: Камму — 69 лет (737–806), Хэйдзэй — 50 (774–824), Сага — 56 (786–842), Дзюнна — 54 (786–840). Это, однако, не отменяет того факта, что достоинства Ниммё оцениваются исключительно с позиции его соответствия китайским представлениям о добродетельном и мудром государе. Тем не менее монашеское поздравление к юбилею императора свидетельствует о начавшемся переосмыслении идентичности императорского двора — противопоставлении Японии другим странам.

Условным началом этого процесса можно считать запрет генеалогических списков «Вакан сорэкитэй фудзу», согласно которым иммигрантские роды из Корея и Китая возводили свое происхождение к синтоистскому божеству Амэ-но Минаканусу («Нихон коки», Дайдо, 4-2-5, 809 г.), и составление официальных генеалогических списков «Синсэн сёдзироку» (815 г.), отказывавших иммигрантам в божественном происхождении,

в результате чего они теперь лишились даже теоретической возможности занимать высокие должности. О повышении статуса японского языка свидетельствуют указы-*сэммё*, адресованные прибывшим в Японию членам посольства из государства Бохай («Нихон коки», Энряку, 15-10-15, 794 г.; «Сёку нихон коки», Дзёва, 9-3-29, 842 г.). Таким образом, японскому языку придается статус международно-дипломатического (но только в общении со страной, которую Япония однозначно считала своим вассалом). *Сэммё* возглашаются также во время молений у могилы императрицы Дзинго-когу о спокойствии государства (Дзёва, 9-12-17, 842 г.). В отчетах о придворных церемониях появляются сообщения об исполнении японских танцев (*вафу*) и японских стихов-*вака* (Дзёва, 12-1-8, 12-1-10, 845 г.). Перед отправкой посольства в Китай государь Камму устраивает прощальный пир, который, как указывает хроника, был устроен на китайский лад. Государь подзывает к себе посла, жалует ему чарку сакэ и произносит японское стихотворение (*ута*):

> Это сакэ — не простое. Это сакэ молитвенное — чтобы благополучно вернулись («Нихон коки», Энряку, 22-3-29, 801 г.).

В правление Ниммё продолжалась активная работа по повышению престижа синтоистских святилищ и вписыванию их в систему государственного устройства. Святилищам присваивается статус государственных, им жалуют придворные ранги (у буддийских храмов рангов не было). К этому времени уже существовала сеть буддийских государственных храмов (*кокубундзи*, *дзёкакудзи*), призванных обеспечить магическую защиту всей страны. Такую же функцию приобретают и синтоистские святилища. Одним из символов общего процесса «японизации» становится включение японской флоры в реестр сезонных растений, подлежащих прославлению. Именно цветущую сакуру, росшую перед покоями императрицы, повелел воспевать весной 831 г. государь Дзюнна на устроенном им пиру («Нихон коки», Тэнтё, 8-2-15, 831 г.). Это повеление было частью процесса по признанию сакуры символом весны; до этого времени в качестве такого символа выступала прежде всего слива — дерево китайского происхождения. Считается, что в правление Ниммё слива, росшая перед императорским дворцом Сисиндэн, засохла, и вместо нее посадили сакуру. Вместе с росшим рядом вечнозеленым деревом татибана (разновидность мандарина) они образовывали пару, выражавшую идею перемен и вечности [Held 2008: 66]. Воспевают придворные поэты и другие растения, которые отсутствуют в китайском сезонно-поэтическом словаре (например, хаги; см.: «Сёку нихон коки», Дзёва, 1-8-12, 834 г.; 11-8-1, 844 г.).

Во время правления предшественников Ниммё — Сага и Дзюнна — были составлены три императорских поэтических антологии на китайском языке: «Рёунсю» («Собрание поверх облаков», 814 г.), «Бунка сюрэйсю» («Собрание шедевров из литературных цветов», 818 г.) и «Кэйкокусю» — «Собрание, [помогающее] управлению страной» (827 г.), что маркирует пик

китайского влияния на японский двор. Однако после этого таких антологий больше не создавалось. В правление Ниммё японоязычные антологии еще не создавались, но начиная с X в. их составление стало регулярным. Знаковым событием обычно считается указ о составлении антологии «Кокинсю» (905 г.). Не споря с утверждением относительно огромной роли «Кокинсю» в процессе японизации придворной жизни, мы, однако, полагаем, что данное действительно знаковое событие стало результатом начавшихся ранее процессов формирования японской идентичности (имеется в виду прежде всего идентичность японского императорского двора, а не культуры в целом). При этом следует иметь в виду, что речь идет не столько о решительном вытеснении континентального конфуцианско-буддийского комплекса, сколько о «подгонке» и подтягивании к нему автохтонных представлений, вписывании местного дискурса в более разработанную систему внеяпонских по своему происхождению координат. За счет этой операции заимствования начинали восприниматься как собственное культурное достояние.

Слова, содержащие в себе *котодама*, это, в сущности, разновидность заклинания. Подобные заклинания присутствуют в любой культурной традиции. Хотя сам термин *котодама* употреблялся до периода Токугава — лишь окказионально, он все равно оставался в памяти культуры. Теоретическая разработка понятия *котодама* происходит только в период Токугава в работах ученых школы кокугаку, которые полагали, что *котодама* содержится не в определенных словах, произнесенных в определенных ситуациях, а в японском языке как таковом. Но не в современном языке, который подвергся иноземному (читай: китайскому) влиянию, а в языке исконном и древнем, который следует восстановить и ввести в оборот. Поскольку эти ученые огульно считали все «исконно» японское лучшим, чем иностранное, то и японский язык оказывался для них самым совершенным.

В японской автохтонной традиции все культурные реалии имеют жесткую пространственную привязку к реальной среде обитания. Понятие *котодама* не оказалось исключением — «душа слова» обитает в Японии и только в Японии. Его главными носителями являются императоры, священнослужители и поэты. В такой привязке видны истоки японского изоляционизма, который, претерпевая определенные изменения, просуществовал до «обновления Мэйдзи», начавшегося в 1867 г.

Идеи нативистов относительно «души слова» активно использовались в XX веке в националистическом дискурсе японского тоталитаризма, когда японский язык признавался самым совершенным в мире. В послевоенных построениях приверженцев уникальности японской культуры (нихондзинрон) понятие *котодама* лишилось агрессивной составляющей и применялось для обоснования «особости» и уникальности японского языка и культуры. Историческое бытование понятия *котодама* показывает не только его живучесть, но и демонстрирует, как это понятие могло наполняться различными смыслами в зависимости от главенствующих настроений той или иной эпохи.

Литература / References

1. [Ермакова (1991)] — Норито. Сэммё / Пер., исслед. и коммент. Л. М. Ермаковой. М.: Наука, 1991. 303 с.

Ermakova, L. M. (transl. and ed.) (1991). *Norito, Semmyo*. Moscow: Nauka. 303 p. (In Russian).

2. Мещеряков А. Н. (2014). Terra Nipponica: среда обитания и среда воображения. М.: Дело, 2014. 424 с.

Meshcheryakov, A. N. (2014). *Terra Nipponica: sreda obitaniia i sreda voobrazheniia* [Terra Nipponica: Place of living and place of imaginaton]. Moscow: Delo. 424 p. (In Russian).

3. Тоёда Кунио (1980). Нихондзин-но котодама сисо. Токио: Кодансн, 1980. 237 с. (На японском).

Toyoda, Kunio (1980). *Nihonjin no kotodama shiso* [Japanese idea of Kotodama]. Tokyo: Kodansha. 237 p. (In Japanese).

4. Heldt, G. (2008). *The pursuit of harmony. Poetry and power in early Heian Japan.* Ithaca; New York: East Asia Program, Cornell University. 433 p.

The origin of the concept of "Word Soul" (Kotodama) in ancient Japan

Meshcheryakov, Alexander N.
Doctor of History, Professor
Deputy Head, Laboratory of Oriental Studies and Comparative Linguistics, School of Advanced Studies in the Humanities, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
Russia, Moscow, 119571, Prospect Vernadskogo, 82
Tel.: +7 (499) 956-96-47
E-mail: meshtorop@yahoo.com

Abstract. The concept of "Word Soul" (kotodama) was elaborated in Japan during the Tokugawa period, but this concept originated in ancient Japan. The author analyses official chronicles "Nihon Koki" and "Shoku Nihon Koki" to find evidence of Japanization of court life and argues that the celebration of the 40th birthday of Emperor Nimmyo in 849 was part of the process. During this celebration monks of Kofukuji temple presented a long poem compiled in the Japanese language. They thought that "Word Soul" lived only in Japanese and not in other languages.

Keywords: Ancient Japan, uniqueness of the Japanese language, "Word Soul" (Kotodama), Emperor Nimmyo, "Nihon Koki", "Shoku Nihon Koki".

Meshcheryakov, A. N. (2015). The origin of the concept of "Word Soul" (kotodama) in ancient Japan. Shagi / Steps, 1 (1), 10–18